

4. Эпические фрагменты: в них часты перечисления, ср. Y9, Vd 1, Vd 2. Б. Шлерат предполагает, что этот «жанр» мог развиваться из № 2.

5. Правовые предписания и комментарии к молитвам (Vd, Y 19—24): наиболее поздний слой.

Достоинства рецензируемого труда бесспорны, польза его очевидна. По своему значению в истории изучения Авесты он приближается к работам М. Блумфилда в ведических штудиях. Методика, разработанная Б. Шлератом, может быть рекомендована и для проведения всестороннего анализа отдельных авторов, например, творчества тех или иных поэтов классического периода дари.

Необходимо отметить безупречную полиграфическую сторону издания, столь сложную при учете авестийской транслитерации². В заключение заметим, что прагматики с нетерпением ожидают выхода и свет третьего тома, который, как предполагается, будет содержать исчерпывающий анализ Гат с полными библиографическими данными, учетом всех переводов, вариаций в толковании грамматики и т. д.

Л. Г. Герценберг

² Небольшое недоумение вызывает лишь авестийское «С» вместо принятого «С». Еще Бругманн указывал на настоятельную необходимость транслитерационной дисциплины.

Q. I. M. Mok. Contribution à l'étude des catégories morphologiques du genre et du nombre dans le français parlé actuel. — The Hague — Paris, Mouton, 1968. 155 стр.

Рецензируемая книга посвящена морфологическим категориям рода и числа французского языка в том виде, в каком они проявляются во флексии прилагательных, артиклей, местоимений, а для числа — и существительных. Материалом исследования служит устная речь, в которой дифференциация по роду и числу выражается значительно реже, чем на письме. Весь иллюстративный материал транскрибирован. Исследуется как формальный аспект оппозиций (гл. II — род, гл. V — число), так и роль флексии в этих оппозициях (гл. III, IV — род, гл. VI — число).

Задача описания грамматического рода заключается в том, чтобы дать «возможно более полное и простое описание чередования форм и указать информацию, которую слушатель получает, благодаря употреблению той или иной формы, независимо от того, является ли это употребление автоматическим или зависит от выбора говорящего» (стр. 26). В соответствии с этим, из описания исключаются неизменяемые прилагательные типа *jaune*, а также прилагательные, согласуемые в роде на письме, но неизменяемые в устной речи, например, *joli — jolie*. Все остальные относятся к изменяемым. Автор отказывается от традиционной методики описания прилагательных на основе формы мужского рода, поскольку ничто в ее звуковой структуре не предсказывает форму женского рода (стр. 38). Выбор последней в качестве исходной формы позволяет достичь большей простоты описания: так, форма /pla/ описывается как /plat/ + /t/ → /o/, где /t/ и нуль звука представляют не морфемы, а конечную фонему женского рода и ее отсутствие. И хотя здесь также не удается

резюмировать все чередования в нескольких простых формулах, эта методика позволяет свести все изменения к определенным типам и их комбинациям, а именно: 1) сокращение формы слова: /d/ → /o/ — *grande*; 2) сокращение, сопровождаемое варьированием гласной: /n/ → /o/ с переходом /ε/ → /ē/ — *vaine*; 3) вариация конечной фонемы типа /v/ → /f/ — *active*. Каждый раз перечисляются все возможные изменения и приводятся исключения из правила. Подобное описание формального аспекта оппозиции мужской — женской является, по сути дела, типологическим, ибо основано на более общих закономерностях, чем простое перечисление форм. К тому же оно более экономно: характеристика изменяемых прилагательных, вместе с исключениями из правил, занимает в книге пять стр.; описание тех же прилагательных, сделанное в 30-х годах М. Дюран¹ по форме мужского рода, имеет вид списка, занимающего 15 стр. в четыре колонки.

Однако наиболее интересными представляются принципы отождествления грамматических значений и в связи с этим классификация форм прилагательных и детерминативов, возникающих при связке или (для артикла) элизии². Автор считает, что статус той или иной грамматической формы в языке определяется ее парадигмой в речи. Так, прилагательное

¹ M. Durand, Le genre grammatical en français parlé à Paris et dans la région parisienne, Paris, 1936.

² Вообще, анализ словоизменительных форм не только в их парадигматическом аспекте, но и во взаимодействии с другими речевыми единицами составляет характерную черту книги.

grand перед существительным муж. рода на гласную /grã.t/ — выражает значения «муж. род., ед. число» (ср. *grand éléphant*, противопоставленное *grands éléphants*), тогда как преконсонантная форма того же прилагательного — /grã/ — имеет значение «муж. род.» и в числе недифференцирована (*grand garçon* — *grands garçons*). Эти комбинаторные варианты формы муж. рода противопоставляются форме жен. рода /grã'd/, которая в свою очередь признается омонимичной: перед существительным на гласную она имеет значение «жен. род., ед. число» (*grande armée* — *grandes armées*); в других позициях она выражает значение «жен. род.» и в числе недифференцирована (*grande fille* — *grandes filles*). Наличие неизменяемых форм объясняется тем, что в системе языка есть своего рода пустые клеточки («des trous dans le système morphologique», стр. 35), которые нужно принимать как таковые³. Задача лингвиста состоит не в том, чтобы заполнить эти лакуны («boucher les trous qu'il constate dans le système», стр. 30), но дать систематическое и возможно более простое описание поведения носителей языка, не навязывая в целях простоты языковым фактам заранее подготовленную схему (там же). Такую схему автор видит в построениях А. Мартине, Ж. Каитино, К. Тогёбу, которые полагают, что, поскольку в языке есть различающиеся по роду формы типа *blanc* — *blanche*, форма *jaune* является омонимичной и расщепляется на *jaune* муж. рода, соответствующее *blanc*, и *jaune* жен. рода, соответствующее *blanche*. К. Мок утверждает, что ничто в речи не позволяет предположить расщепление *jaune* на омонимы; есть только одна форма *jaune*, дистрибуция которой покрывает дистрибуцию и *blanc* и *blanche* и которая, следовательно, тождественна и формально и семантически (стр. 31). Омонимами же считаются слова, которые образуют различные парадигмы не в системе языка (поэтому, например, форма *mes*, соотношенная с *ton* — *ta*, не признается омонимичной), но в системе речи, где различия в значениях маркированы формально.

В своей работе Мок, как и большинство авторов, изучающих категорию рода, исходит из предположения о том, что род французских существительных, за редкими исключениями, не может быть определен по форме слова, вследствие чего это

значение выражается почти исключительно формой соотношенных с существительным слов. Это, однако, не точно. Исследование, проведенное в Советском Союзе И. А. Мельчуком, показало, что форма не менее 85% существительных несет в себе информацию о грамматическом роде⁴. Эта закономерность, несомненно, представляет реальный фактор в языковом сознании и, видимо, в значительной степени покрывает те пустые клеточки, о которых говорит Мок. Можно думать, что носители языка отождествляют род существительного, исходя не только из формы соотношенных с ним слов, но также на основе анализа формы самого существительного. Очевидно, система дифференциации существительных по роду не может быть ограничена флексиями прилагательных и детерминативов: так, если в примерах *petit orage* — *petite orange* узнать род в устной речи нельзя, то в *petit examen* — *petite herbe* он определяется формой самих существительных, которые, по классификации И. А. Мельчука, относятся соответственно к муж. и жен. роду. Поэтому то, что, по мнению Мок, представляет пробел в системе языка, в действительности может таковым и не быть, — меняется лишь механизм дифференциации.

Много внимания в работе уделяется синтаксической функции родовых флексий. Наиболее наглядно она проявляется в словосочетаниях, состоящих из двух существительных и прилагательного. Подробный анализ функции родовой флексии прилагательных в словосочетаниях и предложениях приводит автора к закономерному выводу о том, что какой бы «лишней» флексия порой не казалась, она представляет слушателю формальное указание о необходимых связях и используется носителями языка при комбинировании слов (стр. 62).

Родовая флексия прилагательных и детерминативов может выполнять и семантическую функцию, которая состоит не в выражении связи между словами, а в указании на пол существа. Эта функция реализуется в разряде одушевленных существительных (*ami, élève, esclave*), которые, по мнению автора, имеют единый лексический смысл и могут сочетаться с прилагательными и муж. и жен. рода; в книге они называются *substantifs agénéritiques* (ср.: *le concierge* — *la concierge, Claude est content* — *contente* и т. д.).

Аналогичным образом изучается роль личных местоимений, которые в одних случаях дают информацию о грамматических связях слов, в других — указывают на пол. Так же обстоит дело с указательными местоимениями, выполняющими синтаксическую или семантическую функцию.

⁴ И. А. М е л ь ч у к, Статистика и зависимость рода французских существительных от окончания, сб. «Вопросы статистики речи», Л., 1958.

В подобных случаях выбор формы муж. или жен. рода либо автоматический, либо произвольный, в зависимости от функции; в последнем случае он определяется ситуацией.

Поставленная в предыдущих главах проблематика и предположенные там репены повторяются и в отношении категории числа. Автор считает, что остатки флективного выражения оппозиции в числе тина *amiral* — *amiraux* не дают основания предполагать, что эта оппозиция сохраняется и в случаях, когда она формально не выражена, т. е. что в устной речи также есть две формы существительного /gars̃/: одна — ед. числа, другая — мн. числа. Мок и в данном случае выбирает то же решение, что и при анализе категории рода: здесь нет морфологических омонимов, есть одна неизменяемая форма, которая по-разному интерпретируется носителями языка.

Поскольку число не выражается формой существительного, очевидно, форма ед. или мн. числа детерминатива не есть результат согласования его в числе с существительным, и употребление *le*, *la* или *les* со словами *garçon(s)*, *fille(s)* не является автоматическим, а обусловлено свободным выбором говорящего (стр. 128). Это значит, что в устной речи та или иная форма детерминатива перед существительным, не дифференцированным в числе, выполняет не синтаксическую функцию (показатель связи между словами), а семантическую, т. е. соответствует определенному смыслу, который, однако, не входит в смысловую структуру изменяемого в числе слова, но является элементом плана содержания группы, образованной детерминативом и недифференцированным в числе существительным: *le garçon* → *les garçons*. Выбор детерминатива перестает быть произвольным лишь в случаях, когда число выражается флексией самого существительного: *le jeune amiral* — *les jeunes amiraux*.

Наконец, следует сказать об одной теоретической посылке автора, вызывающей принципиальное возражение. Рассматривая категории рода и числа в терминах грамматических оппозиций, автор, естественно, вынужден затронуть вопрос о маркировке. Он оспаривает точку зрения, согласно которой муж. род является немаркированным членом оппозиции и считает, что это значение также несет положительную информацию; оппозиция признается эквиополентной, а не привативной (стр. 97—99). Такое же решение предлагается и в отношении категории числа: значение ед. числа трактуется не в отрицательных терминах (что указывало бы на его немаркированность), а в поло-

жительных (стр. 149). В современном французском языке ед. число действительно маркировано, но это связано с иными причинами, объяснение которых лежит в диахронии. Известно, что в старофранцузский период число имело двучленную структуру и реализовалось в оппозиции множественность — немножественность (формально обозначается противопоставлением артиклем мн. и ед. числа и флексией -s). В этой оппозиции маркирован первый член — множественность; второй немаркирован и имплицитно содержит два разных значения: единичность и неединичность (соответственно не-сигнализация А и сигнализация не-А). Противопоставление двух последних значений носит, однако, в тот период логический характер, ибо в языке нет специальных формантов для его обозначения. С появлением частичного артикля это логическое противопоставление становится языковым, и в системе числа появляется еще одна бинарная оппозиция: единичность — неединичность, в которой маркировано значение единичности. Таким образом, система категории числа уже в среднефранцузском имеет трехчленную структуру и описывается при помощи двух бинарных привативных оппозиций: \leq множественность — немножественность и \neq единичность — неединичность. Кроме маркированных значений множественности (*des*) и единичности (*un*), она включает значение неслитаемости (*du*), которое описывается как немножественность и неединичность, т. е. является дважды немаркированным членом. Отсюда, определение ед. и мн. числа в положительных терминах, сделанное автором книги, объективно обусловлено не тем, что эта оппозиция является эквиополентной, а тем, что оба значения входят в разные бинарные оппозиции, где они выступают в качестве маркированных членов. Эта особенность структуры категории числа и является причиной того, что ед. число может быть определено позитивно; однако такая его интерпретация зависит не от произвольного выбора исследователя, но обусловлена самой структурой этой категории. Полностью она реализуется лишь в системе артиклей, но ее совершенно необходимо учитывать при описании оппозиции единственное — множественное число.

Высказанное замечание не умаляет, разумеется, достоинств книги, автор которой вносит определенный вклад в изучение такой сложной системы, какой является система грамматических категорий имени во французском языке.

В. Е. Щетинкин